

Сергей Градировский

ЖИВЫЕ КАМНИ ВСЕОБЩЕГО СВЯЩЕНСТВА

*«Кому когда из Ангелов сказал Бог:
седи одесную Меня, доколе положу
врагов Твоих в подножие ног Твоих?
Не все ли они суть служебные духи,
посылаемые на служение для тех,
которые имеют наследовать спасение?»
(Евр 1:13, 14)*

Всеобщее священство. Сила принципа эгалитаризма чувствуется в этом словосочетании.

Всеобщее священство будет покрепче всеобщих прав человека. Всеобщее священство — путь бесповоротного освобождения от рабства во всех его скрытых, в том числе, современных глянцевых формах. Всеобщее священство — величайший идеал и императив Pax Christiana. Но!.. К сожалению, все еще только в части полагания, в части надежды и веры, но не всеобщего существования, явного и бесповоротного внедрения принципа всеобщего священства в христианскую повседневность.

То, что для гражданского общества Декларация прав человека, то для народа Божьего — обетование Всеобщего священства. Из священства извлекается право, но не наоборот. И поэтому Церкви в своей внутренней доктрине куда важнее провозгласить и развернуть принцип всеобщего

То, что для гражданского общества Декларация прав человека, то для народа Божьего — обетование Всеобщего священства.

священства, чем, ради диалога с миром, издать социальную доктрину (или аналогичный документ), где, в частности, прописать свое отношение к Декларации прав человека.

Развернуть принцип всеобщего священства поверх фундаментальных принципов этого мира — значит занять подобающее место в глобальной повестке дня: сказать, не смущаясь, что идея всеобщих прав человека покоится на двух библейских истинах:

1) в каждом человеке есть искра Божья, в каждом сокрыт Лик Его, в каждом можно, а если по силам, то и должно встретить Христа; каждый, будучи личностью, по праву личности — правообладатель; поэтому основополагающее общественное право ВСЕОБЩЕ;

2) не биология, психология или натурфилософия приводят к праву (естественному праву мира), не что либо тварное или искусственное, ведь не из творения и рукоделия следует выводить право; право берется из Духа, из Логоса, из чего-то сообразного (хотя бы нашим человеческим представлениям о) возможности выведения Порядка; и только поэтому оно может стать ПРАВОМ.

Итак, идея всеобщих прав человека, покоится на ОТКРОВЕНИИ. Если бы это было обсуждаемой темой, признаваемым фактом, то всеобщие права человека имели бы границы, формируемые императивами Писания. Однако все не так: права человека, лишенные фундамента ОТКРОВЕНИЯ, не имеют границ и, в частности, границ греха. Поэтому развитие концепта всеобщих прав человека приводит к ценностному конфликту с Писанием, а, значит, и с Церковью, призванной не только нести, но и охранять Слово — Слово Благодати и Слово Закона.

Отрезвляющим примером наших дней является разворачиваемый секулярным миром проект всеобщего брака (право на всеобщий брак). Для человека Писания всеобщий брак институционализирует грех. Для человека секулярного мира — все наоборот: сопротивление этой ценностной норме рассматривается в качестве «отрыжки» христианского мышления, как свидетельство «плохо скрываемого обскурантизма», яркий пример «аморальности христианства в корне своем — в Традиции».

Священничество для мира — это профессия в ряду других профессий, и потому на эту «профессию» мир распространяет все требования секулярного толерантного общества (здесь показателен пример венчания сексуальных меньшинств). Мир уже продал данное решение во многих

церквях Запада, ибо богословы не стоят на страже, либо варясь в собственном соку, либо уступая в важнейших баталиях за умы интеллектуалам иных онтологий.

Придется признать — горько, но придется — мир куда эффективней и масштабней внедряет принцип прав человека, чем Церковь принцип всеобщего священства. Это — победа мира над нами. И явное ослабление воли христианских интеллектуалов.

Первичная клерикализация и вторичная секуляризация всеобщего священства привели к доминированию идеи всеобщих прав человека и попутно к идее креативного класса, которая извлекается не из Церкви и христианского образа мысли и жизни, а из университетов, баров, мигрантских сред и однополрого сожительства (Richard Florida). Реалии таковы, что и на этой дистанции мир обошел Церковь, хотя первичный и неисчерпаемый источник творчества — Сам Творец. Раздумывая над этой проблемой, Бальтазар цитирует Гете: «Люди лишь до тех пор креативны в поэзии и искусстве, пока они религиозны; потом они начинают просто подражать и повторять, как мы повторяем древность, чьи памятники были предметами культа и стали нами имитироваться только из прихоти и игры фантазии». И дальше католический богослов приводит пример такого малоосмысленного подражания: ««Ифигения» Еврипида была драмой о почти безумном послушании Богу; в переводе Шиллера вырезана богословская концовка и тем самым [удален] весь корень...».

«Дьявол — обезьяна Бога», — говорили древние. На фоне Бога — это, может быть, и обезьяна, но на фоне человека — это Великое существо, Денница, Первенец из ангелов. Дьявол, безусловно, искусен, и для богословской мысли вопрос о его влиянии на креативность современного мира — непрост. А современный мир весьма креативен. И пусть этот мир не чтит Креатора, но он все же в сути своей вылеплен по образу и по подобию Креатора («*Creatorem caeli et terrae*»). Мир за окном чрезвычайно быстро меняется и с такой силой вовлекает в себя, что практически все, в том числе и христиане, следуют за ним — за модой, за новостями, в тренде, в мейнстриме, в суете.

Несмотря на то, что христиане помнят и чтят Творца-Креатора, они уступили лидерство творчества. Со-творить, кроме прочего, означает оставаться над миром, присутствуя в мире, ради того, чтобы длить мир как Творение, творя в нем все новое и совершенное. Причем длить с радостью и до того Часа, когда все будет скомкано и

Несмотря на то, что христиане помнят и чтят Творца-Креатора, они уступили лидерство творчества.

свернуто и брошено в **«огонь неугасимый»** (см. Ам 7:4 и само выражение Мк 9:43) или преобразовано и благословлено **«в новое небо и новую землю»** (см. Ис 34:4 и Откр 21:1, Ис 65:17).

Но кто же призван удерживать позицию над миром ради мира? Возможно, лишь те, кто в действительности священники?

Тогда зададимся вопросами: кто есть священник? И что есть священство? Здесь мы, как правило, слышим следующие ответы:

Первый. Священство — это предьявление миру святости. Святость же, *кадош* — есть отделенность. Этот образ еще ветхозаветный. Отсюда требование ритуального отделения, политика отчуждения евреев от других народов, регулирование брака, непреходящее стремление к ритуальной чистоте, представление о необходимости подготовки и поддержания особого состояния для совершения сакрального действия. Именно отделенные призваны быть **«непорочными среди строптивного и развращенного рода»**, и про них сказано: **«вы сияете, как светила в мире»** (см. Флп 2:15).

Другой ответ: священство — есть способность (на языке современно-го мира — компетенция) удерживать контакт с Всевышним, дабы возвещать **«о великих деяниях Того, кто призвал вас из тьмы в Свой дивный свет»** (1 Петр 2:9, РБО, 2011). И даже более того, есть такая «мужская работа» низводить Небо на землю, которая осуществляется в молитве, в благовестии и в деятельности — целенаправленная работа, посвященная приближению Царства Небесного. На что было дано прямое указание и мандат в ежедневной молитве «Отче наш».

Третий ответ: священство — это бескорыстная, полная усердия работа по окормлению паствы: «Пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду...»; исполнение которой сторицей вознаградится: **«...и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы»** (1 Петр 5:2-4).

Четвертый ответ — это работа по осуществлению представительства Бога на земле с приятным обременением совершения таинств, обладающих силой отпущения грехов: **«...всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков ставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи»** (Евр 5:1).

Для прояснения некоторых концептуальных полаганий и удобства дальнейшего движения мысли стоит различить СВЯЩЕНСТВО и СВЯЩЕННИЧЕСТВО. Сделав это, мы обойдем ряд путаниц. В дальнейшем же это поспособствует реформе доктрин, что позволит сделать проповедь более актуальной, а служение — особенно в мире, но и в храме — куда

насыщенной. К тому же морфологическое богатство русского языка такое разделение позволяет осуществить безболезненно.

Итак, нам всем было предложено всеобщее священство, а некоторым из нашего числа — и сугубое священничество. Право такого предложения — только у Первосвященника Нового Завета. Священничество не перекрывает и не опосредует отношения между каждым и Всеобщим; иначе — священничество не больше священства и не вправе вторгаться в таинственную область личных отношений между человеком и его Живым Источником, если только сам человек, ища окормления, не просит помощи и совета в этих вопросах, или если только Сам Господь не скажет священнику: иди к тому-то и сделай то-то.

Это утверждение не отменяет задачу того, кто имеет пастырское служение окормлять и служить, искренне печься о своем стаде, как это делал наш Единый Учитель. Но еще раз подчеркну, важно всегда помнить, что любое священничество не больше священства, ибо всякий вступивший на земли всеобщего священства лично знает Первосвященника — **«И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня»** (Евр 8:11).

Здесь важно понять: о чем говорил апостол, вводя различие чина Аарона и Мелхиседека? О двух типах сугубого священничества? Или о том, что от Аарона, дрогнувшего и сделавшего «литого тельца», — сугубое священничество, а принятие чина Мелхиседека — суть подлинное священство, которое через жертву Иисуса по замыслу Творца становится всеобщим?!

Похоже на то, что церковная практика хиротонии — суть возрожденная израильская практика, идущая от крови и колена (Аарона и Левия), по существу, задним числом сформированный институт сакральных риз и клобуков, который вначале прилагается к институту всеобщего священства, а со временем подчиняет его себе и затем растворяет в себе. Но замысел Всевышнего точно иной: подчиненность сугубого священничества всеобщему священству в словах апостола: **«Сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его»** (Евр 7:9,10).

Священство по чину Мелхиседека — это священство навсегда, не имеющее ни начала, ни конца; это священство вне отца и вне матери, вне рода и крови, ибо сказано: **«без отца, без матери, без родословия, не имеющий ни начала дней, ни конца жизни, уподобляясь Сыну Божию, пребывает священником навсегда»** (Евр 7:3). Слова псалмопевца: **«Клялся Господь и не раскается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека»** (Пс 109:4) — относятся не только к Иисусу, но и к каждому принявшему

Иисуса как личного Спасителя. И псалмопевец говорит об этом: **«В день силы Твоей народ Твой готов...»** (Пс 109:3). Поэтому всеобщее священство, оно же и вечное, всевременное.

Павел, разбирая титулы Мелхиседека, говорит, что он «царь правды» (в значении праведности, употребляется слово «цадик») и «царь мира» (в значении покоя, ясно звучит «шалом»). И в этом смысле нет священства вне праведности и шалома — состояний, которые столь тяжело даются всякому сыну Адама.

Ритуальная чистота в чине Аарона — ничто по сравнению с праведностью и шаломом Мелхиседека. Поэтому заповедь любви, обращенная ко всеобщему священству, поглощает все заповеди Моисея — **«Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга»** (Ин 13:34).

Факт, что традиционное христианское, в частности, православное священничество придерживается иной точки зрения. Оно полагает, что клир, состоящий из всех рукоположенных иереев — бывших, настоящих и будущих, — представляет собой «соборного Мелхиседека»; что, в отличие от левитского священства, священство православное по чину Мелхиседека не отделяет более от нетварной реальности та алтарная завеса, которая висела в Иерусалимском храме и была разодрана в момент крестной смерти Спасителя. Но что произнесенные слова? Войдите в православный храм и раскройте глаза: завеса, скрывающая святая святых, задернута: вот она — в образе иконостаса. Более того, легко проследить динамику как из низкой символической алтарной перегородки по византийскому образцу вырос не просто иконостас, но в некоторых наших землях иконостас,

**Ритуальная чистота
в чине Аарона —
ничто по сравнению
с праведностью и
шаломом Мелхиседека.**

скрывающий стену, то есть сама конструкция храма стала предполагать сокрытие «Святого Святых» за каменной кладкой.

Другой пример из Церкви Запада, когда чествуются священники, оказывающиеся «более могущественными», чем Сам Бог: «Воздайте честь священникам, ибо они обладают властью освящать дары. — Силу освящения и рукоположения, эту чудесную власть, имеет католический священник, и только он, а не протестантские

пасторы. — Власть освящать дары, являть Тело Господне с драгоценной Кровью во всей полноте Его святой Человечности и Его Божественности в виде хлеба и вина; превращать хлеб и вино в истинное Тело и драгоценную Кровь Господа нашего, какая высокая, возвышенная, чудесная власть! Где, ради всего святого, есть еще власть, подобная власти католического

священника? У ангелов? У Матери Божьей? <...> Католический священник может не только явить Христа на алтаре, запереть Его в дарохранительнице, снова извлечь Его оттуда и протянуть верующим для вкушения, он может даже принести Его, вочеловеченного Сына Божьего, в бескровную жертву живым и мертвым. Христос, единорожденный Сын Бога-Отца, который сотворил небо и землю и на котором держится вселенная, покоряется здесь воле католического священника»¹.

Еще один пример, отравляющий профессиональные отношения внутри Единого Тела, — это вопрос рукоположения и его значение в дискуссии, что считать и что (кого) не считать Церковью. Вывод Михаила Дубровского четок: «С апостольской эпохой... нас связывает не длинная цепочка епископов, а личная встреча с Воскресшим, благодаря которой произошло преобразование наших жизней. — **«От Симеона Петра, служителя и апостола Иисуса Христа, — тем, кто благодаря оправданию Богом нашим и Спасителем Иисусом Христом, обрел веру, столь же драгоценную, как наша»** (2 Петр 1:1, РБО, 2011). «Более того, если вера каждого из нас — столь же «драгоценна», как и вера самих апостолов, — продолжает Дубровский, — то призвание к священническому служению становится абсолютным императивом для каждого христианина»².

Для всеобщего священства по чину Мелхиседека цепочка рукоположений (так тесно связанная с Законом) действительно ничего не значит. Об этом ясно сказано у апостола Павла: **«Ибо закон ничего не довел до совершенства; но вводится лучшая надежда, посредством которой мы приближаемся к Богу»** (Евр 7:19). Для сугубого священничества по чину Аарона цепочка рукоположений, напротив, является важнейшим корпоративным стандартом.

Важно помнить, что человек — существо, идущее по времени и в вечность. Посему человеку важна, в первую очередь, связь с апостольской эпохой путем личной встречи с Воскресшим: то, что пережили когда-то апостолы, можем пережить и мы. Христос — жив! Но, одновременно, мы — люди — присутствуем в истории, обусловлены культурой, обвязаны языком. И этой «печали» и «земли» нам не миновать. Поэтому наша связь с апостольской эпохой не только через Христа, но и историческая, — так же, как исторично, а не только эсхатологично, время Боговоплощения. Это значит, предание, хранимое традиционной Церковью, не должно быть пустым звуком для нас, очищенных Реформацией. Взросление предполагает не отбрасывание, но размещение в нашей более богатой вселенной

¹ Из пастырского послания Зальцбургского архиепископа Иоганнеса Баптиста Катчталера от 2 февраля 1905 года; взято у Карена Свасьяна из статьи Nabemus Ramam.

² Михаил Дубровский «Всеобщее священство как вызов и необходимость».

смыслов прежде неудобоваримых. Кто из нас не переживал подлинного ученичества, когда передача духа учения осуществлялась в контакте с учителем — из рук его, из уст в уста? Зачем же отрицать опыт возложения рук от епископа к епископу?

Итак, цепочка рукоположений не должна нами отвергаться, ибо мы знаем ей место и цену, и мы знаем, что она не подменяет более важного события — встречи каждого с Воскресшим.

Сугубое священничество — это дополнительная реальность, возникающая в ситуации неспособности любого народа (избранного или не избранного, святого или дрянного) удерживать привилегию всеобщего священства. Если представить полную реализацию всеобщего священства на земле, то многим станет ясно видно, как сугубое священничество треснет, надломится и упадет, как засохшая ветвь. Но ни Израиль, по обетованию желавший стать «царством священников» не выдержал такого напряжения — «однако как общество грешных людей, Израиль сам стал частью проблемы» (Nicholas Thomas Wright), ни Церковь не вынесла такого бремени — даже если и «врата ада» ее не одолели. Крайне быстро сформировалась клерикальная модель Церкви, повторяющая собой ветхозаветную, зримым символом чего в Православии является вышеупомянутый иконостас — явная аллюзия на завесу ветхозаветного Храма.

Саддукеи — символ тупикового развития сугубого священничества, каста, дошедшая в своем генезисе до полного абсурда, не верящая в ключевое обетование — в воскресение мертвых, абсолютизирующая закон, традицию и безопасность Израиля (оправдывающая смертный приговор Иешуа га-Ноцри этой самой безопасностью). Что происходит в таком случае? — Закупорка и для себя, и для других. И потому сказано: **«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете»** (Мф 23:13). Пощечина институциональному священничеству в словах Иисуса, переданных Матфеем: **«Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы...»** (Мф 9:13). Про это же изыскано написал умнейший Василий Розанов в своих «Опавших листьях. Коробе первом»: «После хиротонии, облекшись в «ризy нетления», — он оглядится по сторонам и начинает соображать доходы...».

Каждый раз сугубое священничество попускалось и вводилось как вынужденная мера. В Ветхом Завете оно учреждается Самим Отцом: **«Помажь и Аарона и сынов его и посвяти их, чтобы они были священниками Мне»** (Исх 30:30). Но данный институт, обладая силой жреческой касты и инерцией человеческого властолюбия, каждый раз мутирует в подобие Левиафана, в мозгу которого нет никакого «всеобщего царственно-го священства», но трещина дихотомии клир/мир. Эта трещина сыграла с

христианами злую шутку. Первый ее член, клир — удел Бога. Второй по звучанию и замыслу — часть мира. Не часть Тела, собираемого в евхаристическом единстве, а часть греховного мира. И отныне мы все свидетели тому, как ослабленная Церковь, деградируя и страдая, рассыпается на клир и мир. Это стало полной катастрофой замысла Отца и Спасителя. Потому и важнейшую формулу католической Церкви «апостолат мирян» придется считать ослабленной формой «всеобщего священства». В русском языке слово «миряне» — уже в контрах со всеобщим священством. Печаль же следующих слов сугубый «клир» вполне может отнести к себе: ***«Вы уже пресытились, вы уже обогатились, вы стали царствовать без нас. О, если бы вы и в самом деле царствовали, чтобы и нам с вами царствовать!»*** (1 Кор 4:8). И не один раз человеку и народу все прощалось. Ведь Он милостивый, Он — милосердный. И благодаря долготерпеливости Отца все начиналось сызнова.

Что можно считать вершиной священства? Полагаю исполнение порученного Отцом дела: ***«Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить»*** (Ин 17:4). Вслушаемся: порученным делом «прославил Тебя». Значит, не просто славословие, не только прославляющее песнопение и иной приятный во всех отношениях елей уст, а дело, конкретное дело, порученное Отцом. В этом — вершина священства всякой души. Принять на себя узы священства — это осознать свою жизнь как спецзадание свыше.

Даже становясь сынами, мы остаемся слугами. Всякий слуга имеет поручение. Исполнить его — значит прославить Пославшего. Именно так поступил Сын Человеческий. Так же пристало поступать и нам: каждому, как и Ему, пройти сквозь страх и боль, чтобы выйти к славе и силе.

Разве можно представить более почетную форму священнодействия? Но это значит для каждого христианина — услышать волю Отца. Вновь и вновь вопрошать, чтобы услышать ее, в тишине ли, в грозе ли, в крике и крови ли, на краю смерти ли, но услышать. Ведь что может быть краше и выше абсолютного подражания Христу?! Великий образ «подражания Христу» содержит в себе указание на священнический путь во всей его полноте: это не только подражание Его мукам и Его ранам, Его Голгофе и Его позорной смерти, но и Его славе, силе, Его радости и принятию, Его сыновству и царственному священству.

Путь к священству открывает великое Таинство Евхаристии. Ведь приняв частичку Его Тела, мы принимаем право, силу и долг священства. Причаститься Ему — причаститься Его священства. Это и есть предмет нашей веры: каждый, принявший сыновство (принявший Сына как Спасителя тем самым раскрывает свое собственное сыновство), уже реализовал право на священство, то есть имеет все необходимое для свершения

личного таинства поклонения, предстояния и соучастия в Творении со своим Отцом; уже вступил с Ним в неподражаемый и неслышимый никем сторонним диалог.

Всеобщее священство оборачивается силой к Небу. Как еще понять слова Спасителя: **«Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе»** (Мф 18:18).

Но на человеческих полях наряду с пшеницей растет и бурьян. На чудесном обетовании проросла теория и практика индульгенций, чтобы рано или поздно принести чудовищный плод слов Тецеля: «Как только ваша монета зазвенит в сундуке, тотчас же души ваших друзей и родственников выйдут из чистилища и пойдут в Небо!» — ведь это же законным наследникам Петра сказано: **«Что разрешите на земле, то будет разрешено на Небе»**. Именно в этот момент завеса Храма вновь задерживается, а дьявол в партере хохочет.

Священство, еще по ветхозаветному определению, — есть формирование удела Господня. Такой удел формируется не за счет политики, не за счет магии, не за счет количества тучных жертв, но любовью. Строго: сколько любви — таков и удел. Важно помнить и о жертве, и о радости любви. Жертва — вырывание из своего удела и передача вырванного в удел всея Господина. Радость — принятие из удела Господина. Прекрасная формулировка служения прозвучала в тексте Левона Аршакуни: «Если после служения у нас не остаётся «вкуса любви», значит, мы служили не Господу, а кому-то или чему-то другому: своему эго, рекламе, желаниям других людей, которые мы по какой-то причине стали воспринимать как свои»³. «Вкус любви» — кажется, это чудный плод из сада Эдема. Радость и покой в любви — послевкусие безупречного священнодействия.

Концепция всеобщего священства — вводит христиан в политику. Если священнодействием может стать всякий труд, то, несомненно, также и труд политический. Если мы видим труд политический как служение, как жертву и как форму милосердия, если мы понимаем «политический» как «согласующий разное в общежитное», как «выбирающий из лучшего достойнейшее», то большинство из нас будет искать такую политику, дабы принять ответственность не только за себя и своих близких, но и за место, город, народ, землю, страну. Во всеобщем священстве кроется сила, способная преобразовывать сферу политического. Но этот труд сильно отличается от нынешних походов во власть, карьерных траекторий, президентских кадровых резервов и показательного (многим в назидание) правоприменения по статьям закона о защите чувств верующих.

3 Левон Аршакуни «Вкус любви».

Всеобщее священство — есть оправдывающее последствие всякой реформации. Как иначе, ведь реформация — это возвращение к первичной форме и в эсхатологическом, и в историческом замысле Всевышнего, и частью этого замысла было благовестие и требование всеобщего священства. Увы, ни одна из известных нам реформаций не выполнила это требование, ни одна не завершилась всеобщим священством, что означает: ни одна так и не была доведена до оправдывающего ее финала.

Помимо необходимости исполнять поручение Отца существует и вторая сторона принципа всеобщего священства — концепция Единого Пастыря. Это выводимо из образов Писания. Церковь — есть стадо. У этого стада один Пастырь. И даже когда есть люди-пасторы (пастыри), Подлинный Пастырь — только Один. На этом настаивает и католический катехизис, не смотря на известный догмат Первого Ватиканского собора. И поэтому у евангельского концепта всеобщего священства есть обратная сторона — концепт Единого Пастыря: **«Один у вас Учитель — Христос, все же вы — братья»** (Мф 23:8).

Дарованный нам Тайным Четвергом (за день до календарной Пасхи — хороший пример сдвига традиции, что постоянно совершал Иисус) образ Единого Тела, за нас ломимого, также взывает к всеобщему священству. Ведь всякое тело образуется из клеток, евхаристическое Тело из освященных Духом клеточек — живых свидетелей принятого внутрь фаворского света. И все те, из кого сформировано Тело Церкви, могут быть только таковыми — фаворскими. Таким образом, человеки с печатью священства и есть Церковь = «собрание святых». Иначе тщетна наша вера в то, что **«где двое или трое во имя Мое»**, там и есть Сын, там и есть Отец (см. Мф 8:20).

Есть такая обязанность и право у каждого христианина — непрестанно в молитве творить Его Царство. Низводить (вниз-сводить) Его Царство, Его волю, Его силу, Его славу, значит, и Его Имя, а значит, и Его Самого — с самых Небес в этот самый что ни на есть падший мир, тем самым участвуя в таинстве непрекращающегося Боговоплощения.

В древней практике христиан в качестве молитвенной формулы использовалось арамейское слово Maranatha — «Господь, приди» или краткая греческая фраза «Kyrie Eleison, Christe Eleison», первая часть которой читалась на вдохе, а вторая на выдохе (развитие этих духовных упражнений — в созерцательных практиках подвижников-исихастов). Молитва, завещанная Иисусом ученикам и направленная ко всеобщему Отцу, содержит именно эту образцовую интенцию: «Да приидет Царствие Твое! ... И на земле, как на Небе...» По мне,

Всеобщее священство — есть оправдывающее последствие всякой реформации.

здесь звучит не столько просьба (со стороны каждого из нас неоднократно читающего эту великую молитву), сколько утверждение — «осуществление ожидаемого» Царства в рамках выданного нам мандата всеобщего священства!

Иисус, покидая этот мир, просит у Отца: **«Отче Святыи! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы»** (Ин 17:11). Каждый из нас помнит известную христианскую сентенцию: если нет любви — кто поверит, что мы — ученики Христа, если нет единства — кто поверит, что мы поклоняемся Отцу и Сыну и Духу Святому, Которые образец всякого Единства?! Горько, но мы, христиане, давно перестали быть такими, как ученики Христа. Мы бесповоротны, мы — разделенные между собой люди, все по-прежнему дети Адама.

Всеобщее священство — помимо прочего, лекарство и от этой хронической болезни человечества. Клеточки стремятся к полноте. Полнота — это всеобщий сбор и совершенное устройство в едином Телѣ. Только в таком сборе кроется событие — то, что есть **со-бытиѣ**. Поэтому каждый христианин может и должен требовать единства с другими христианами. Само церковное Тело может и должно осуществлять молитвенное и нравственное давление на клир (раз уж он попушен). То есть всеобщее священство вправе требовать у сугубого священничества исполнения Завета Единства. Снятые анафемы между историческими Церквями — уже хорошо. Но мы требуем, мы алчем евхаристического единства!

Недаром там же у Иоанна, но чуть ниже, и теперь уже четырежды (!) говорится: **«Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне; да будут совершенны воедино...»** (Ин 17:21-23). Четырежды, вновь и вновь говорит апостол любви о единстве! Вдумаемся, как сильно жаждет единства Христос, Чьи слова пересказывает Иоанн!

Вот что отметил президент Папского совета по содействию христианскому единству кардинал Курт Кох, комментируя упомянутую выше 17 главу Евангелия от Иоанна: «Обычно при приближении смерти человека занимают не какие-то незначительные вещи, а самое главное, то, что находится в глубине сердца и что непременно хочется передать тем, кто будет жить после него. Именно так и следует воспринимать слова Иисуса Христа в преддверии Страстей и смерти».

Итак, Иисус в преддверии смерти сосредотачивается на Единстве.

Большим искушением является идея, что единство Церкви, а значит, целостность Тѣла является уделом невидимой реальности. Уже больно это смахивает на докетизм. Если мы преломляем реальный хлеб, а не только духовный и аллегорический, если апостолы видели Бога во плоти, а

некоторые из них влагали персты в его воскресшую плоть, глупо довольствоваться метафизическим единством. Из Иисусовой молитвы не вытекает с обязательностью юрисдикционное или доктринальное единство — это лишь планы чьей-то церковной или имперской политики, но из Иисусовой молитвы напрямую следует евхаристическое единство и чарующее единство благовествующих уст.

Такое единство не от мира берется. Потому прийти к нему силами мира невозможно. Об этом неоднократно размышлял и писал папа Бенедикт XVI. Мир несет раздор и разделение. Масштаб разделения — свидетельство успехов мира и соблазн для христиан. В сложившейся ситуации наша задача действовать поверх барьеров и разделений. Вопреки миру. Вопреки большинству. Поэтому мы ищем единства — не юридического, не организационного, но евхаристического и мыследеятельностного, жаждем единства в Теле и Уме Христовом.

Для меня по-прежнему важно, что мы, люди веры, нацелены действовать. Вера не парализует нашу волю действовать. Напротив, вера — и есть воля нашего действия.

Если бы Бог был нам лишь абсолютно имманентен, тогда идея, что Он все за нас сделает, была бы достаточной и исчерпывающей. У идеи, что Бог отвечает за все и вся, безусловно, множество подтверждений в тексте Писания: [без Бога] *«и волос не упадет с головы его на землю»* (1 Цар 14:45). Но Бог также абсолютно трансцендентен нам и всякому творению, и потому все, что мы делаем — мы делаем самостоятельно, суверенно, и от того именно на нас лежит ответственность за все, что мы делаем.

Здесь важно помнить: если мы не удерживаем идею абсолютной трансценденции Всевышнего миру и, в том числе, человечеству, мы скатываемся в пантеизм. И если мы не культивируем переживание абсолютной имманентности Отца, у нас нет шанса назваться Его сыновьями. Чтобы это понять — придется думать парадоксально. Придется вернуться к мышлению отцов, сформулировавших христологический и тринитарный догматы.

Теме трансцендентного/имманентного Бога посвящено множество страниц у величайших богословов XX века; это и Карл Ранер, и Ганс Кюнг, и другие. Рассматриваемое в этой статье всеобщее священство фундировано данной категориальной парой. Абсолютная имманентность Бога свидетельствует не просто о праве каждого на священство, но о факте такого священства — Он Свят в нас и с нами остается Свят во всех наших повседневных делах, во всех обыденных вещах. А вот

**Вера не парализует
нашу волю действовать.
Напротив, вера — и есть
воля нашего действия.**

абсолютная трансцендентность Бога принуждает нас ответственность, держать позицию, представлять Отца в мире и действовать; действовать решительно, как «власть имеющие», но помня: **«милости хочу, а не жертвы»** (Ос 6:6, Мф 9:13).

История повторяется. И Израиль, и Церковь начинали с безусловного императива всеобщего священства, о чем мы находим в Писании прямые указания. Но оба учрежденных Всевышним народа Божия проявили в большинстве своем неспособность удержать высокий статус богоизбранности. Дальнейшая неизбежная институционализация императивов Откровения привела в обоих случаях к появлению вначале идеи, а затем и класса сугубого священничества. Следом идущая духовная энтропия рано или поздно обязана была привести к кризису, выходом из которого и для Израиля, и для Церкви стала... Реформация.

У Израиля она произошла в ситуации вавилонского плена и разрушения Храма Соломона. Карен Армстронг утверждает, что в этой чрезвычайной для народа ситуации было введено «удивительное юридическое новшество»: «Изгнанники хотели создать ощущение божественного присутствия, живя так, словно они — жрецы в Иерусалимском храме. Доныне не предполагалось, что миряне будут соблюдать обрядовые заповеди, уставы о чистоте и пищевые запреты, наложенные на храмовых служителей. Однако теперь изгнанники стали нацией жрецов и должны были жить так, словно Бог пребывает среди них, через ритуалы создавая незримый и символический храм» (Карен Армстронг. «Биография Бога»).

Итак, Бог по-прежнему оставался со своим народом, народом плененным, униженным и рассеянным, народом, у которого отныне не было Храма как конкретного здания в определенной точке на земле. Где же тогда пребывал Бог? Ранее Он был все время со Своим народом — и в огненном столбе, когда выводил народ из Египта, и на ковчеге в Скинии, когда по пустыне его же водил, и в Святая Святых иерусалимского Храма с тех самых пор, как Соломон его построил. Где же Он был отныне? И ответ был найден: Он там, где произносится (читается вслух) Слово Божье. А раз так, то священство может стать привилегией (обязанностью) каждого. Какая же это радость — иметь Неизреченного рядом, изрекая Имя Его, соблюдая ритуальную чистоту и созида в сердце и уме своем символический Храм. Следом должна была произойти еще одна сдвигка: Израиль взял курс на всеобщую грамотность мальчиков, чтобы каждый еврей мог путем чтения и обсуждения Слова Божьего здесь-и-сейчас воздвигать Храм Отца.

Итак, где Слово — там и храм. Удивительно, но иудеи этого смысла удержать не смогли, и потому не услышали важных слов Мессии: **«Разрушите храм сей, и Я в три дня воздвигну его»** (Ин 2:19), а не услышав и не поняв, злобно высмеивали Его, висящего на кресте.

На подобное решение вышел и Лютер: реабилитация всеобщего священства не могла произойти вне всеобщей грамотности и вне всеобщей доступности Писания (но и не исчерпывалась этим). Ибо хорошо, когда человек священствует не только над (со) Словом Писания, но и над всем тварным. Отсюда всплеск исследовательских программ, становление науки и явное лидерство в том людей веры; следом: новая трудовая этика, окрепшая стать капитализма и, в конце концов, — новый мир. Уже позже произошла сдача позиции онтологического монизма, из-за чего и возник «внутрисемейный» конфликт между «любимой дочерью» наукой и «матерью» Церковью.

Таким образом, Слово Писания, доступность этого Слова каждому, культура обращения к тексту и ежедневная работа с текстом, привитая потребность диалога со Словом Живым и печатным — есть важнейшие предпосылки исполнения всеобщего священства!

Подведем итог. Всеобщее священство имеет следующие модусы существования:

- 1) исполнение порученного Отцом дела, а, значит, кроме прочего, реализация даров и умножение врученных каждому из нас талантов на протяжении всего жизненного пути;
- 2) осмысление и осуществление повседневного труда как таинства служения, как со-творчества, как соучастия в непрекращающемся творении мира;
- 3) ежедневная работа со Словом Писания, для того чтобы Дух Писания работал с нашим духом, и наш дух, окунаясь в Дух Слова, вновь и вновь возрождался, становясь сопричастником Духу Святому;
- 4) личное таинство поклонения своему Отцу, предстояние перед Ним в своем сыновстве;
- 5) удержание онтологической позиции, а, значит, принятие ответственности за единство мира и связности всего творения;
- 6) непрестанная (в пределе — никогда не прекращаемая, подхватываемая то тут, то там миллиардами уст) молитва о Царстве Его — «и на земле, как на небе»;
- 7) уверенное деятельное воплощение на земле Того, что и на Небе, — что и будем считать нашей христианской повесткой.

И тогда, в конце, еще раз новыми словами: так что же есть священство в пределе своем и на пределе человеческих сил?

Священство — это жизнь, слова и деятельность Сына Человеческого, жизнь удивительная, слова изумляющие, поступки смущающие: **«И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях»** (Мф 9:35); **«...И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало**

такого явления в Израиле» (Мф 9:33); **«...зачем ученики Твои не по-ступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?»** (Мк 7:5).

Священство — есть жатва: **«Тогда говорит ученикам Своим: жат-вы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, что-бы выслал делателей на жатву Свою»** (Мф 9:37,38).

Священство — в проявлении силы: **«От дней же Иоанна Крести-теля донныне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его»** (Мф 11:12).

Священство — это привилегия, когда **«...Дух Отца вашего будет го-ворить в вас»** (Мф 10:20).

Священство — это путь в самое Небо: **«Ибо Христос вошел не в ру-котворенное святилище,... но в самое небо, чтобы предстать ныне за нас пред лице Божие»** (Евр 9:24).

Священство — это пиршество; в пояснение приведу слова из текста Левона Аршакуни: **«И каждый без исключения человек может вспомнить моменты, а иногда и большие периоды своей жизни, когда эта «высота» была каким-то естественно-чудесным образом «взята», когда сердце на-сыщалось вкусом Любви и Вечной жизни»⁴.**

Священство предполагает публичность, открытость и смелость: **«Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слы-шите, проповедуйте на кровлях»** (Мф 10:27).

Священство — это деятельный императив, и мы призваны к нему впрямую: **«Приступая к Нему, камню живому, человеками отвер-женному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые кам-ни, устройте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Хри-стом»** (1 Петр 2:4,5). Куда уж доверительней: **«сами, как живые кам-ни»!** Куда уж прямее: **«устройте из себя священство святое»!**

«Какая высокая планка! Но мы-то, должны оставаться реалистами и не прыгать выше головы...», — шепчет вам разум.

Здесь впору напомнить маловерам. Отказ Церкви от воплощения идеи всеобщего священства — это, по сути, отказ от Божьего завета с Церковью как избранным народом; отказ от Тела, в котором все едины, в котором нет первенства «печени» над «лодыжкой» или «легкого» над «запястьем», и потому нет сползания в корпоративную, организационную, юрисдикци-онную действительность, нет сворачивания в схемы мира, в беспощадную реальность богооставленного человечества.

⁴ Левон Аршакуни «Вкус любви».

«Но как реализовать столь великую задачу через сложившийся класс официального священства, — восклицает Игорь Божко, — [священства] отчужденного от жизни общества, склонного к застреванию в устаревших представлениях об общественной жизни, быстро устающего от движения вперед, не поспевающего за постоянно возникающими новыми культурными формами и явлениями, во всем подозревающего кощунство, осуждающего все новое и непонятное?!»⁵. Не менее горчит замечание Михаила Черенкова: «Сохраняется порочное деление на христиан-профессионалов (для кого «служение» Богу является профессией) и профессионалов-христиан (тех, кто верит в Бога, но служит Ему изредка, а в остальное время занимается неблагоприятным, грязным, мирским профессиональным трудом)»⁶. Это, по сути, описание кровоточащей раны на Телѣ Церкви.

Но наше желание в ином: приносить дары к жертвеннику Его; не онов, не голубей, а дары, которыми мы наделены и которые как таланты мы развили своим многолетним трудом. Дары управления, преподавания, воспитания, преображения земли и создания второй природы, дары врачевания и разрешения конфликтов; дары повседневного труда. «Нам нужно не только «спасение душ», — развивает свою мысль Черенков, — нам также хочется полноценной жизни в результате «спасения». Ведь спасение не конец, а только начало, спасают не только от жизни настоящей, но для жизни настоящей, подлинной, счастливой, многообещающей. И потому без призвания и связанных с ним даров никак не обойтись, полноценную жизнь не прожить»⁷.

Так что, друзья мои, всеобщее священство дано нам ради нашей же полноценной жизни. Ведь что может быть прекрасней нашего священнического союза, когда я предстаю перед Всевышним за тебя, а ты — за меня, а мы вместе — вон за них, а они — за нас!? В этом наше единство, включающее в себя многообразие, в этом Его единое Тело, включившее всех сыновей и дочерей Адама, в этом гармоничный лад нашего всеобщего священства.

Так «устройте из себя священство святое»!

Но наше желание в ином: приносить дары к жертвеннику Его; не онов, не голубей, а дары, которыми мы наделены и которые как таланты мы развили своим многолетним трудом.

⁵ Игорь Божко «Живой Манифест».

⁶ Михаил Черенков «О христианах-профессионалах и профессионалах-христианах».

⁷ Там же.